

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА»

УДК 811.161.1'42(043.3)+811.581'42(043.3)

ЧЖАО
Наньнань

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ АКЦЕНТНОСТИ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальности
10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Минск, 2022

Работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель: **Савчук Татьяна Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры, Белорусский государственный университет, кафедра прикладной лингвистики

Официальные оппоненты: **Сенкевич Василий Иванович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кафедра общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания

Карасева Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой, Белорусский государственный университет, кафедра восточных языков

Оппонирующая организация: УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»

Защита состоится 25 мая 2022 года в 11.00 часов на заседании совета по защите диссертаций К 02.21.01 при учреждении образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» по адресу: 220030, г. Минск, ул. Советская, 18, ауд. 482; e-mail: lingby@gmail.com; тел. +375(17) 311-20-61.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Автореферат разослан «25» апреля 2022 г.

Учёный секретарь
совета по защите диссертаций

Д. В. Дятко

ВВЕДЕНИЕ

Для лингвистики последних десятилетий, развитие которой определяется антропоцентрической научной парадигмой, характерно смещение исследовательского внимания с единиц языка в сторону фактов речи. Особое внимание уделяется анализу разного рода коммуникативных категорий, а также средствам их языкового представления в различных типах дискурса. Одной из наиболее значимых и вместе с тем наименее изученных функциональных категорий является акцентность.

В самом общем виде понятие «акцентность» можно определить как смысловое выделение (актуализацию) важных, по мнению говорящего, моментов содержания речи, привлечение к ним внимания аудитории. Смысловое акцентирование способствует убеждению адресата в правильности точки зрения субъекта речи, достижению взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения. Для реализации акцентирования используются разноуровневые языковые средства, называемые акцентуаторами.

Актуальность предпринятого комплексного исследования лексических и грамматических акцентирующих средств русского и китайского языков определяется недостаточной изученностью универсальной категории акцентности, несмотря на ее важную роль в дискурсивной практике, прежде всего политической: приоритет функции воздействия на адресата в политическом дискурсе обуславливает регулярность и многообразие вербальных проявлений акцентирования.

Кроме того, контрастивно-сопоставительный анализ акцентирующих вербальных единиц актуализирует проблему перевода акцентуаторов с китайского языка на русский, которая до сих пор специалистами не затрагивалась. Следует отметить значимость решения данной проблемы в аспекте межкультурной коммуникации: выявление специфики передачи китайских акцентуаторов средствами русского языка способствует лучшему пониманию национальных, культурных, исторических, социальных, мировоззренческих, идеологических и других особенностей страны исходного (китайского) языка носителями русского языка и культуры.

Проводимый в реферируемой работе анализ лексико-грамматических способов акцентирования в русском и китайском политическом дискурсе дает возможность выявить типологически общие и культурно обусловленные свойства акцентуаторов в разноструктурных языках (русском и китайском), создает основу для системного описания категории акцентности.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертация выполнена на кафедре прикладной лингвистики Белорусского государственного университета в рамках исследований, проводимых по теме НИР «Комплексное научно-методическое обеспечение преподавания русского языка как иностранного в контексте межкультурной коммуникации» (№ государственной регистрации 20162485), срок выполнения 2016–2020 гг.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить и типологизировать лексико-грамматические средства реализации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе (на материале выступлений политических деятелей), установить общие и национально-специфические характеристики русских и китайских акцентуаторов.

Задачи исследования:

1) систематизировать теоретические подходы к изучению категории акцентности и на этой основе определить ее лингвистический статус;

2) разработать семантическую типологию русских и китайских лексико-грамматических средств, объективирующих категорию акцентности в политическом дискурсе;

3) определить категориальные и субкатегориальные значения выявленных акцентуаторов; установить особенности их семантической организации в русском и китайском языках; раскрыть прагматическую роль акцентирующих языковых единиц, относящихся к различным семантическим группам;

4) на основе компаративного анализа акцентуаторов установить их типологически общие и культурно-специфические свойства в русском и китайском политическом дискурсе;

5) выявить особенности перевода акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский.

Объект исследования – лексико-грамматические единицы со значением акцентности в русском и китайском политическом дискурсе.

Предмет исследования – семантические и функциональные особенности лексико-грамматических акцентирующих средств русского и китайского языков.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: описательный метод, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, метод синонимических преобразований, метод количественных подсчетов.

В качестве источника **фактического материала** были использованы тексты выступлений политических лидеров России и Китая за 2000–2020 гг.

Было проанализировано 5106 речевых единиц с акцентирующим значением (2446 русских и 2660 китайских), извлеченных методом сплошной выборки из 56 текстов политических речей – 28 русских и 28 китайских.

Научная новизна полученных результатов определяется целью, задачами, методологией и материалом исследования: на основе анализа текстов выступлений русских и китайских политических деятелей впервые

– систематизированы лексико-грамматические средства, объективирующие категорию акцентности в русском и китайском политическом дискурсе;

– определены категориальные и субкатегориальные значения выявленных акцентуаторов; установлены особенности их семантической организации в русском и китайском языках;

– раскрыта прагматическая роль акцентирующих языковых единиц, относящихся к различным семантическим группам;

– установлены типологически и культурно обусловленные свойства акцентуаторов в русском и китайском политическом дискурсе;

– создана типология переводческих трансформаций, используемых при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка.

Положения, выносимые на защиту

1. Лингвистические традиции исследования акцентности связаны с двумя основными парадигмами – функционально-коммуникативной и когнитивно-дискурсивной. Интеграция достижений данных подходов позволяет утверждать, что лингвистический статус акцентности формируют следующие категориальные признаки: универсальный характер, прагматическая направленность на организацию и модификацию смыслового аспекта высказывания/текста, ориентация на адресата, разноуровневая языковая манифестация, полевая структурированность, вариативность проявления в различных типах дискурсивной практики. Сопоставительный анализ акцентности как семантико-прагматической категории дискурса (в частности сопоставление лексических и грамматических акцентирующих средств русского и китайского языков) целесообразно проводить на основе принципа полевого структурирования.

2. Категорию акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируют пять микрополей: оценки (58,34 % vs 65,94 %), усиления (15,99 % vs 12,63 %), активизации внимания адресата (10,38 % vs 10,45 %), уточнения (9,36 % vs 4,36 %), категоричности/некатегоричности (5,93 % vs 6,62 %). Место каждого

микрополя в общем категориальном поле акцентности определяется прагматическими факторами, в частности, спецификой политического дискурса.

Каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов – лексических и грамматических языковых единиц: 1) микрополе оценки включает оценочную лексику (прилагательные, наречия, существительные), метафоры, фразеологизмы; 2) в микрополе усиления входят морфологические интенсификаторы (определятельные наречия, усилительные частицы, указательные местоименные слова), повторы, выражения-интенсивы, коллокации; 3) микрополе активизации внимания формируют языковые средства диалогичности, вопросительные предложения, модально-оценочные конструкции, инверсия, языковые средства логичности изложения; 4) микрополе уточнения составляют наречия, частицы и союзы (с противительно-отрицательным, градационно-сопоставительным и добавочным соединительным значением); многочленные дескриптивно-характеризующие конструкции; 5) микрополе категоричности/ некатегоричности образуют акцентуаторы категоричности (модальные слова и словосочетания с семантикой уверенности, убежденности, несомненности, долженствования, необходимости) и некатегоричности (общие приемы для русского и китайского дискурсов: модальные слова и выражения, передающие неуверенность, сомнение, предположение, а также специфические средства: частицы – в русской речевой практике, союзы – в китайской).

3. В распределении акцентирующих языковых единиц по выявленным микрополям наблюдается ряд закономерностей: оценка больше проявляется на лексическом уровне, а активизация внимания адресата реализуется преимущественно на синтаксическом уровне; прилагательные больше используются как средство оценки, а наречия чаще всего употребляются в микрополе усиления; союзы активно применяются для выражения уточнения, а частицы характерны для экспликации категоричности.

Микрополя категории акцентности не исключают друг друга, а взаимодействуют, что проявляется в многофункциональности некоторых акцентуаторов. Синкретичность семантико-прагматических значений демонстрируют, в частности, акцентуаторы, совмещающие следующие функции: оценка + усиление (рус. *вопиющая несправедливость*; кит. *空前灾难* ‘небывалая катастрофа’); усиление + категоричность (рус. *мы вас никогда не подведем*; кит. *中国坚决谴责* ‘Китай решительно осуждает’), усиление + активизация внимания адресата (рус. *говорю это с полной уверенностью*; кит. *我要特别指出* ‘хочу особо

отметить, что'), категоричность + активизация внимания (рус. *убежден, что*; кит. *我相信* 'я уверен в том, что'), оценка + усиление + активизация внимания (рус. *считаю это крайне важным*; кит. *尤为突出* 'особенно ярко видны'), усиление + уточнение + категоричность (рус. *сегодня действительно исторический день*; кит. *始终坚持走和平发展道路* 'неуклонно идти по пути мирного развития'); усиление + уточнение + активизация внимания (рус. *хочу еще раз сконцентрировать внимание*; кит. *我想再强调一次* 'хочу еще раз подчеркнуть'); активизация внимания + оценка (рус. *с удовлетворением отмечаем*; кит. *谨代表...表示崇高的敬意* 'позвольте выразить высокое уважение'); активизация внимания + оценка + категоричность (рус. *считаем недопустимым*; кит. *我们应该牢固树立...* 'мы должны прочно внедрить в себя убеждение, что...').

Наиболее сильный прагматический эффект (подчеркивание передаваемой идеи и максимальное воздействие на адресата) достигается за счет включения в политический дискурс комплекса акцентирующих средств: сочетание акцентуаторов, относящихся к микрополям оценки и усиления; использование акцентирующих единиц нескольких групп для реализации доминирующего субкатегориального значения (преимущественно категоричности).

4. Системно-структурная организация полей акцентности в русском и китайском политическом дискурсе сходна; при этом разнообразие определенных видов акцентуаторов в выступлениях российских и китайских политиков различается. Сходство отмечается в том, что и в русском, и в китайском политическом дискурсе доминируют акцентуаторы оценки (58,34 % vs 65,94 %). Объяснить этот факт можно тем, что в обеих культурах описание эмоционального состояния субъекта речи и отношения к предмету высказывания является важным средством воздействия на аудиторию.

Различия касаются в основном количественных закономерностей употребления акцентуаторов.

а) В русских выступлениях количественно преобладают акцентуаторы, репрезентирующие оценку: оценочные наречия (23,90 % vs 10,60 %); компаративы и суперлативы (12,96 % vs 6,33 %); метафоры (12,05 % vs 9,46 %); усиление: повторы (21,23 % vs 17,56 %); активизацию внимания адресата: вопросительные предложения (12,60 % vs 5,76 %); модально-оценочные конструкции (11,81 % vs 8,27 %); уточнение: частицы (6,55 % vs 4,31 %) и наречия (43,23 % vs 40,52 %); языковые средства категоричности (73,79 % vs 65,91 %).

б) В китайских выступлениях большим разнообразием характеризуются

следующие акцентуаторы: оценочные прилагательные (32,45 % vs 37,63 %); оценочные существительные (11,42 % vs 28,68 %); морфологические интенсификаторы (67,26 % vs 72,02 %); языковые средства диалогичности (55,51 % vs 61,87 %); языковые средства логичности изложения (9,06 % vs 13,67 %); многочисленные дескриптивно-характеризующие конструкции (17,47 % vs 20,69 %); вербальные приемы некатегоричности (26,21 % vs 34,09 %).

в) Незначительные количественные расхождения (до двух процентов) наблюдаются в представленности следующих акцентуаторов: фразеологизмов (7,22 % vs 7,30 %); выражений-интенсивов (7,16 % vs 7,14 %); коллокаций (4,35 % vs 3,27 %); инверсий (11,02 % vs 10,43 %); уточняющих союзов (32,75 % vs 34,48 %).

Указанные расхождения объясняются спецификой русской и китайской лингвокультур, а также типологическими (формально-структурными) характеристиками русского и китайского языков: синтетический строй русского языка предопределяет богатство его морфологических категорий и грамматических форм; аналитический строй китайского языка обуславливает передачу смысловых и грамматических значений с помощью служебных слов (предлоги, союзы, вспомогательные глаголы) и порядка слов.

5. При переводе акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский применяют три типа трансформаций – лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Лексические трансформации акцентуаторов (синонимический перевод, конкретизация, генерализация, модуляция, добавление) заключаются в замене лексемы исходного языка (ИЯ) неэквивалентными лексическими средствами переводящего языка (ПЯ) при сохранении исходного смыслового значения акцентуатора.

Грамматические трансформации предполагают полное или частичное изменение синтаксической структуры и/или морфологических категорий акцентирующих единиц исходного языка. При полной трансформации происходит изменение субъектно-предикатной структуры высказывания (преобразование личной конструкции в безличную, трансформация безличного предложения в личное), изменение порядка следования частей сложного предложения – главной и придаточной, упрощение синтаксической структуры – преобразование сложного предложения в простое, усложнение грамматической структуры – преобразование простого предложения в сложное, изменение морфологической категории; видами частичной трансформации являются: замена, перестановка, опущение.

Лексико-грамматические трансформации представляют собой

преобразование формальных (лексических и грамматических) компонентов акцентирующих конструкций ИЯ («вэньянь», фразеологизмы, коллокации, неологизмы) при сохранении информации, предназначенной для передачи на ПЯ.

Условием эффективного использования трансформаций при переводе китайских акцентуаторов на русский язык служит учет комплекса значений языковых единиц ИЯ и ПЯ – семантического, грамматического и прагматического, а также социокультурного контекста и специфики коммуникативной ситуации.

Личный вклад соискателя ученой степени. Диссертация представляет собой полностью самостоятельное авторское исследование. Ее основные положения и результаты основываются на анализе лично собранного, обработанного и систематизированного материала.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов. Основные положения и результаты диссертации обсуждались на следующих научных конференциях: 73-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 16–25 мая 2016 г.); Международной научной конференции «Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов» (Гомель, 15–16 февраля 2017 г.); XI Карповских научных чтениях (Минск, 17–18 марта 2017 г.); 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 24 апреля 2017 г.); VI Международной научной конференции «Язык и межкультурные коммуникации» (Вильнюс, 17–18 мая 2017 г.); XI Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (Минск, 25 октября 2017 г.); 75-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 17–18 мая 2018 г.); Международной студенческой научной конференции «Слово в языке, речи, тексте» (Брест, 18 мая 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Картина мира через призму китайской и белорусской культур» (Минск, 14 декабря 2018 г.); 76-й научной конференции студентов и аспирантов (Минск, 24 апреля 2019 г.); VIII Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур» (Минск, 19–20 декабря 2019 г.); III Международной научно-практической конференции «Китайский язык и культура Китая в восточнославянском контексте» (Гомель, 8 декабря 2021 г.).

Опубликование результатов диссертации. Результаты исследования отражены в 15 публикациях (6,4 авт. л.). Среди них 5 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Беларуси (4,2 авт. л.); 5 статей в

сборниках научных статей (1,3 авт. л.); 5 публикаций в сборниках материалов научных конференций (0,9 авт. л.). Все публикации выполнены без соавторов.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения, библиографического списка, который включает список использованной литературы (198 позиций) и список публикаций соискателя (15 позиций), списка источников примеров и приложений. Общий объем диссертации 163 с., из которых основной текст занимает 125 с. (включает 11 рисунков и 2 таблицы), библиографический список – 16 с., список источников примеров – 6 с., приложения – 14 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В главе 1 «**Теоретические основы исследования категории акцентности**» систематизируются лингвистические традиции изучения акцентности, связанные с двумя основными парадигмами – функционально-коммуникативной (раздел 1.1) и когнитивно-дискурсивной (раздел 1.2).

В рамках *функционально-коммуникативного подхода* выделяются три исследовательских направления: коммуникативно-прагматическое (Т. М. Николаева, И. И. Сущинский и др.), функциональное семантико-стилистическое (М. Н. Кожина, Т. Б. Иванова и др.) и лингвориторическое (А. А. Волков, М. В. Гаврилова, В. П. Москвин и др.). Несмотря на очевидные методологические различия, они объединяются анализом акцентности как функционально-коммуникативной категории, имеющей прагматическое содержание (нацеленность на эффективную коммуникацию) и особую систему средств выражения (акцентуаторов). Представители каждого из этих направлений, опираясь на достижения предшественников, решают актуальные для своего времени лингвистические задачи. Однако каждая из проанализированных теорий имеет определенную ограниченность. Так, коммуникативно-прагматический подход основывается в большей степени на семантических критериях выделения акцентуаторов, на анализе их в общеязыковом плане; достижения функционального семантико-стилистического направления в изучении акцентности связаны прежде всего с научным стилем и не выходят за рамки текстовой плоскости; риторический анализ сосредоточен на определении места акцентирования в системе фигур речи и не может претендовать на полноту.

В *когнитивно-дискурсивном измерении* категория акцентности рассматривается в контексте социальной деятельности, включающей широкий

спектр экстралингвистических факторов – ментальных, психологических, идеологических, культурных, исторических, обусловленных типами и формами общественной институциональной практики (А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, Чэнь Сян, Ляо Сюньцяо и др.). При таком подходе акцентность выступает как лингвопрагматическая универсалия – содержательная (семантико-прагматическая) категория дискурса, которая непосредственным образом участвует в формировании содержания (смысла) речевого сообщения и его прагматики.

Акцентность, закономерно связанная с универсальными лингво-когнитивными категориями воздействия, убеждения и аргументации, выступает как неотъемлемый атрибут и действенный инструмент влияния на адресата в дискурсе политики, в частности, в жанре публичного выступления политического деятеля (Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, Е. В. Шелестюк, Хуан Жуй, Ян Кэ и др.).

Предполагается, что в политическом дискурсе обширно представлена система языковых средств, эксплицирующих категорию акцентирования. В результате аналитического обзора представленных в научной литературе теоретических подходов делается вывод, что сопоставительное исследование акцентирующих единиц лексического и грамматического уровней русского и китайского языков целесообразно проводить на основе интеграции достижений функционально-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов, а именно: использовать принцип полевого структурирования для анализа акцентности как семантико-прагматической категории дискурса.

В главе 2 **«Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе»** предлагается семантическая типология русских и китайских лексико-грамматических средств, объективирующих категорию акцентности; определяются категориальные и субкатегориальные значения выявленных акцентуаторов; раскрывается прагматическая роль акцентирующих языковых единиц, относящихся к различным семантическим группам; на основе компаративного анализа устанавливаются типологически общие и культурно-специфические свойства русских и китайских акцентуаторов.

Категория акцентности рассматривается как совокупность пяти микрополей: оценки, усиления, активизации внимания адресата, уточнения и категоричности/некатегоричности. Каждое микрополе образовано акцентуаторами – лексико-грамматическими средствами русского и китайского языков, реализующими определенный тип акцентирования (таблица 1):

Таблица 1. – Структура категории акцентности

Составляющие категории акцентности	Русские выступления		Китайские выступления	
	Количество единиц	%	Количество единиц	%
Микрополе оценки	1427	58,34	1754	65,94
Микрополе усиления	391	15,99	336	12,63
Микрополе активизации внимания адресата	254	10,38	278	10,45
Микрополе уточнения	229	9,36	116	4,36
Микрополе категоричности / некатегоричности	145	5,93	176	6,62
Всего	2446	100	2660	100

Рассматривается подробно качественный и количественный состав каждого из микрополей в сопоставляемых языках соответственно их значимости в общей структуре категории акцентности (от центра к периферии).

Микрополе оценки (раздел 2.1) составляют акцентуаторы, объединенные аксиологической семантикой и выражающие положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Данное микрополе является самым большим компонентом поля акцентности, что связано с целевой установкой субъекта политического выступления – убедить массового адресата в справедливости своих суждений, воздействовать на систему ценностей слушателей, добиться их расположения, привлечь на свою сторону.

Для выражения оценки используются следующие лексико-грамматические средства¹:

прилагательные (32,45 % vs 37,63 %)². Многие из них, в силу частотности употребления, образуют дискурсивные формулы, в которых адъективы используются как в прямом значении, так и в переносном: рус. *весомый вклад*, *великий народ*, *добрососедское отношение*, *бесценное достояние*, *ключевая роль*, *тяжелое состояние*, *безответственное заявление*, *неэффективное государство*; кит. *真挚祝福* ‘искреннее поздравление’, *大国地位* ‘великая держава’, *光明前景* ‘светлая перспектива’, *显著成就* ‘замечательный успех’, *灿烂文明* ‘блестящая

¹ Аксиологические акцентуаторы передают разные типы оценок по характеру и интенсивности.

² Здесь и далее представлено соотношение акцентуаторов в русских и китайских выступлениях соответственно.

культура', 持久和平 'прочный мир', 突出矛盾 'острое противоречие', 血腥袭击 кровавый теракт и др. Замечено, что позитивно-оценочные прилагательные более употребительны по сравнению с отрицательно-оценочными. Это объясняется тем, что оратор-политик, воздействуя на аудиторию, чаще стремится к созданию положительного образа ситуации, к формированию позитивного эмоционального настроения слушателей для того, чтобы заручиться их поддержкой и приобрести максимальное количество сторонников;

наречия (15,99 % vs 12,63 %) – имеют градуальную природу (одновременно указывают на степень проявления оцениваемого признака, а также на его качество и количество), используются в составе характерных для политического дискурса клишированных выражений: рус. *неразрывно связаны, успешно продвигать, высоко ценить, сердечно поблагодарить, недостаточно работать*; кит. 明显增多 'заметно увеличиться', 平稳发展 'стабильно развиваться', 剧烈震荡 'резко колебаться', 联系密切 'тесно связанные', 快速发展 'быстро развивать' и др.; в составе модально-оценочных конструкций (зафиксированы только в русском языке): *важно, что..., интересно, что..., закономерно, что..., приятно отметить, что..., символично, что...* и т.п.;

существительные (11,42 % vs 28,68 %) – имеют денотативную оценочность и, как правило, публицистическую окраску: рус. *справедливость, выгода, солидарность, сотрудничество, единство, сплоченность, доверие, суверенитет, кризис, безвластие, смута, агрессия, теракт, бедность, угроза*; кит. 和平与安全 'мир и безопасность', 公开 'гласность', 稳定 'стабильность', 包容 'инклюзивность', 损失 'ущерб', 灾难 'катастрофа', 侵略者 'захватчик', 耻辱 'унижение', 军国主义 'милитаризм' и др. Подобные субстантивы регулярно воспроизводятся в ораторских выступлениях, в том числе как элементы стандартных выражений политического дискурса: рус. *военное лихолетье, подъем экономики, опасность нестабильности, инновационный прорыв*; кит. 两国世代友好的历史财富 'богатство дружбы между народами', 不稳定因素 'факторы нестабильности', 打击这股恶势力 'борьба со злом', 战斗精神 'дух сопротивления', 政治热情 'политический энтузиазм', 平等互利 'равенство и взаимная выгода';

компаративы и суперлативы (12,96 % vs 6,33 %) – отражают объективные параметрические характеристики сравниваемых между собой объектов действительности, а также, в составе оценочного предиката, служат языковым средством субъективной оценки. В русскоязычных выступлениях используются синтетические и аналитические формы прилагательных и наречий в

сравнительной и превосходной степенях: *нет никого роднее, дороже вас; мы становимся ближе и понятнее друг другу; не менее серьёзная задача; выступали за более тесное сотрудничество; важнейший элемент политической стабильности; сражались на самых тяжёлых, самых сложных участках фронта* и др. Для китайского языка характерны только аналитические формы компаративов (*取得更大的成就* ‘достичь более больших успехов’, *更为重要的是* ‘гораздо важнее’) и суперлативов, которые оформляются с помощью слов или словосочетаний *最* ‘наиболее’, *之最* ‘больше всего’ (*最完善的体制* ‘самый совершенный механизм’, *层级最高* ‘на высшем уровне’, *最大的发展中国家* ‘самая крупная развивающаяся страна’);

метафоры (12,05 % vs 9,46 %) ³ – переносное употребление слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений – в политическом дискурсе выполняют коммуникативную и прагматическую функции. В речах русских и китайских политиков широко представлены метафорические выражения, имеющие публицистическую окраску: рус. *всё пронизано нашей общей историей и гордостью; в вашу честь отдаём тепло наших сердец; стержень любой культуры, любого народа – это его язык*; кит. *在国际金融危机中复苏* ‘восстанавливаться от удара всемирного экономического кризиса’; *刺激全球经济复苏* ‘стимул для оживления мировой экономики’; *推进以人为本* ‘ставить человека в центр внимания’;

фразеологизмы (7,22 % vs 7,30 %) – устойчивые выражения с образно-оценочной семантикой – расположены на периферии микрополя оценки. В русских текстах используются фразеологизмы, различные по структуре и стилевой окраске (книжные и разговорно-просторечные, с положительными и отрицательными коннотациями): *потерять политическое чутьё и чувство меры; мы отказались встать на колени; Россия опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду; мы просим всех не заглядывать за бугор, не бегать налево, на сторону, и не изменять своей Родине* и др.

В китайском речевом материале представлены разные типы фразеологизмов ⁴: чэньюй: *打贸易战的结果只能是两败俱伤* ‘В результате

³ Тот факт, что в китайских текстах используется меньше метафор, чем в русских, может иметь следующее объяснение. Под влиянием конфуцианства в китайской культуре сложилась традиция, согласно которой не принято выражать сильные эмоции на публике. Учитывая, что метафорические выражения обладают значительным эмоционально-экспрессивным зарядом, включение их в выступления китайских лидеров ограничено.

⁴ В китайских политических выступлениях не зафиксированы сехоуюй (недоговорки). Вероятно, это объясняется тем, что данный тип фразеологизмов имеет ярко выраженную разговорную окраску, что накладывает ограничение на использование его в политическом дискурсе, ориентированном на книжный стиль.

торговой войны обе стороны оказались в проигрыше'; яньбюй: **靡不有初, 鲜克有终** 'Нет недостатка в тех, кто хорошо начинает дело, но не хватает тех, кто по-хорошему доводит дело до конца', **打铁还需自身硬** 'Чтобы ковать железо, нужно подковать себя'; гуаньюньбюй: **中俄两国人民将牢记历史, 开创未来** 'народы Китая и России будут помнить историю и открывать будущее'.

Микрополе усиления (раздел 2.2) составляют вербальные единицы, которые привносят в сообщение дополнительные оттенки смысла, подчеркивают коммуникативно значимые элементы речи, придают высказыванию экспрессивность и эмоциональность. В качестве акцентуаторов усиления используются преимущественно морфологические и синтаксические средства. Морфологические интенсификаторы (67,26 % vs 72,02 %) включают наречия меры и степени в сочетании с глагольными формами, оценочными прилагательными и наречиями: рус. *очень рассчитываю, высоко ценить, особенно важно, чрезвычайно глубоко, весьма показательно, принципиально новый*; кит. **不断增加** 'непрерывно повышаться', **充分发挥** 'полностью освоить', **大力弘扬** 'усиленно распространять', **更大** 'намного сильнее', **异常艰难** 'чрезвычайно тяжелые', **非常重要** 'очень важный', **特别沉重** 'особенно тяжело', **尤为猖獗** 'довольно разнузданно' и т.д.; частицы с усилительным и выделительно-ограничительным значением: рус. *даже, ведь, все-таки, просто, только, лишь*; кит. **还是** 'все-таки', **完全** 'просто', **简直** 'прямо', **没错** 'действительно', **还** 'еще', **确实** 'точно' и т.д.; указательные местоименные слова: рус. *такой, так*; кит. **这样** 'так', **这样的** 'такой'; повторы эквивалентных/вариантных лексико-грамматических форм (21,23 % vs 17,56 %): рус. *Мы хотим дружбы с Украиной, хотим, чтобы она была сильным государством*; кит. **中国已经并将继续证明, 中国是维护世界和平坚定力量** 'Китай показал и покажет, что он является надежной защитой мира'; выражения-интенсивы (7,16 % vs 7,14 %), включающие в свой состав «кванторы общности» и вербальные формы отрицания: рус. *всякий, каждый, любой, все, всегда, не, ни, нет, никогда, все равно не, вовсе не, без... невозможно*; кит. **始终** 'постоянно', **永远** 'вечно', **每次** 'каждый раз', **总是** 'постоянно', **无论如何都不会** 'ни в коем случае не', **绝对不会** 'совсем нет/не', **从来没有** 'никогда не' и т. п.; коллокации (4,35 % vs 3,27 %): рус. *с особым чувством, в полном соответствии с*; кит. **如出一辙** 'то же самое', **无一例外** 'всех без исключения', **与此同时** 'вместе с тем' и др.

Микрополе активизации внимания адресата (раздел 2.3) формируется языковыми средствами, функция которых – облегчение коммуникативно-прагматической ориентации адресата в тексте, создание благоприятных условий

для целенаправленного восприятия информации, обеспечение согласованности между коммуникантами. Активизации внимания слушателя способствуют языковые средства диалогичности (55,51 % vs 61,87 %) (метакоммуникативные конструкции: рус. (я) *хочу напомнить*; (я) *обращаюсь к*; *подчеркну, что*; кит. *我愿在此重申* ‘я хотел бы подтвердить, что’, *强调指出* ‘хочу отметить’, *必须看到* ‘нам следует видеть, что’ и т. п.; обращения: рус. *дорогие друзья, уважаемые коллеги, дамы и господа, уважаемые граждане России, дорогие москвичи; уважаемый господин Председатель Ху Цзиньтао, уважаемый господин Си Цзиньпин*; кит. *尊敬的各位贵宾, 女士们, 先生们, 朋友们* ‘уважаемые высокие гости, дамы и господа, друзья’, *各位同事!* ‘дорогие коллеги!’, *尊敬的各位国家元首, 政府首脑, 各位部长, 各位国际组织负责人* ‘уважаемые главы стран и правительств, министры и руководители международных организаций’, *尊敬的潘基文秘书长* ‘уважаемый Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун’; вопросительные предложения (12,60 % vs 5,76 %) – помогают сфокусировать внимание адресата на той части информации, которая, по мнению автора, наиболее важна. В некоторых случаях адресант задает вопрос и сам на него отвечает: рус. *Однако что же мы слышим сегодня от наших коллег из Западной Европы, из Северной Америки? Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права*; кит. *如何使人类拥有一个和平安宁、共享繁荣的21世纪? 为此, 我愿提出以下几点看法* ‘Как сделать для человечества XXI век мирным, безопасным и процветающим? **Выскажу по этому поводу своё мнение**’; модально-оценочные конструкции (11,81 % vs 8,27 %): рус. *главное, что*; *предельно ясно, что*; *что гораздо важнее*; *приятно отметить, что*; *хочу еще раз от души поблагодарить*; *я считаю важным, что*; кит. *我们一致认为* ‘по нашей общей оценке’, *对...很重要* ‘нам важно, что’, *我对此表示支持* ‘я выражаю поддержку’, *我想赞扬* ‘хочу одобрить’, *在这里我要严正警告* ‘я хочу строго предупредить’ и др.; инверсия (11,02 % vs 10,43 %) в русских политических выступлениях имеет различные проявления (*огромную роль в... играет..., весомый вклад в... вносит..., большие надежды возлагаем на...*), для китайской языковой практики характерна инверсия со служебным словом *把/将*: *原因在于* ‘поводом для... стал’, *首要任务是* ‘главной задачей является...’, *根本矛盾在于* ‘крупнейшим дисбалансом является...’ и др.; языковые средства логичности изложения (9,06 % vs 13,67 %) ⁵ включают показатели: а) последовательности изложения, б) ввода примеров, в) ретроспекции,

⁵ Показатели логичности изложения преобладают в китайском речевом материале. Это является результатом длительного использования в официальной коммуникации жанра «восьмичленного сочинения», который включает в качестве обязательных элементов вербальные средства логичности, обеспечивающие переход от одной части рассуждения к другой и, соответственно, связность и последовательность изложения.

г) подытоживания: рус. *во-первых, в первую очередь, примером может быть, об этом уже говорил, таким образом, в заключение*; кит. *综上所述, 结论如下* 'подводя итоги, отметим', *继而* 'далее', *最终* 'наконец', *其中* 'в частности', *例如* 'например', *值得注意的是* 'следует отметить', *如上所述* 'как уже было сказано' *我们得出结论* 'мы приходим к выводу, что', *总的来说* 'в целом' и др.

Микрополе уточнения (раздел 2.4) прагматически связано с акцентированием актуальных логико-смысловых отношений, обусловленное стремлением к предельной точности, ясности изложения в политическом дискурсе. К уточняющим акцентирующим средствам на морфологическом уровне относятся: наречия (43,23 % vs 40,52 %), которые употребляются при указании на окончательное совершение, наступление, выполнение чего-либо: рус. *уже, достаточно, обязательно*; кит. *已经* 'уже', *确实* 'действительно', *一定* 'обязательно' и т. п., частицы (6,55 % vs 4,31 %), усиливающие степень уточнения и выражающие решительное подтверждение: рус. *именно, как раз, исключительно, ведь, довольно*; кит. *就是* 'именно', *的确* 'правда' и союзы (32,75 % vs 34,48 %) (с противительного-отрицательным значением: рус. *не... а, не... но, ...а не*; кит. *...并非* '...а не', *...不是* '...но не', с градационно-сопоставительным значением: рус. *как... так и, не столько... сколько, не просто... а*; кит. *不仅...而且* 'не только... но и', *即...又* 'и... и'; с добавочным соединительным значением: рус. *также, а также, и также*; кит. *并且* 'и', *也是* 'также' и др.). На синтаксическом уровне уточняющую роль играют многочленные дескриптивно-характеризующие конструкции (17,47 % vs 20,69 %) – уточняют мысль, указывая на специфические свойства и особенности объекта речи: рус. *Китай – страна с многовековой историей, богатейшей культурой, философией. Это уникальные памятники, изысканная кухня и древнее искусство врачевания*; кит. *和平是人类共同愿望和崇高目标* 'Мир – это общее желание и великая цель всего человечества'.

Микрополе категоричности / некатегоричности изложения (раздел 2.5) имеет оппозитивную структуру: категоричность предполагает демонстрацию безапелляционности говорящего по отношению к передаваемой им информации, некатегоричность подразумевает неабсолютную достоверность обсуждаемых фактов, неполное владение информацией. Оппозитивные понятия категоричности/некатегоричности принято рассматривать в их единстве, целостности, континуальности.

Акцентуаторами категоричности (73,79 % vs 65,91 %) выступают модальные слова и выражения, речевые конструкции с семантикой уверенности,

убежденности, долженствования, необходимости: рус. *бесспорно, безусловно, несомненно, уверен, убежден, не сомневаюсь, мы все должны понимать, необходимо активизировать*; кит. *当然* ‘конечно’, *毫无疑问* ‘вне (без) всякого сомнения’, *理所当然* ‘разумеется’, *自然的* ‘естественно’, *丝毫不动摇* ‘ни на минуту не сомневаюсь’, *我相信* ‘я уверен’, *要* ‘надо’, *必须* ‘необходимо’, *绝不* ‘нельзя’ и др.

Некатегоричность (26,21 % vs 34,09 %) реализуется с помощью модальных слов с семантикой предположения, сомнения: рус. *возможно, вероятно, наверное, пожалуй, кажется, может быть*; кит. *或许* ‘возможно’, *可能* ‘вероятно’, а также посредством выражений с лексическими показателями когнитивного состояния неуверенности (эпистемические глаголы, модальные операторы): рус. *можно предположить, сомневаюсь, предполагаю, что*; кит. *不能肯定的说* ‘не могу утверждать’, *假设* ‘я предполагаю’ и др. Морфологическими акцентуаторами некатегоричности в русской речи служат частицы *вроде, как бы, якобы*, в китайской – уступительный союз *哪怕* (варианты перевода: *как хотя бы, пусть, даже, даже если, даже когда*).

Функциональная специфика акцентуаторов (раздел 2.6) проявляется в том, что 1) концентрированное включение в ораторские политические речи комплекса разнородных акцентирующих средств способствуют максимальному подчеркиванию передаваемой идеи и воздействию на адресата (акцентирующие единицы нескольких групп применяются для реализации доминирующего субкатегориального значения): рус. *Убежден, что вы голосовали за наше общее будущее, за наши общие цели, за лучшую жизнь, за процветающую и сильную Россию*; кит. *我愿在此重申, 中国坚决谴责和反对一切形式的恐怖主义, 积极参与国际社会反对恐怖主义的努力和行动, 与有关国家及组织开展了卓有成效的合作* ‘Здесь я хотел бы подтвердить, что Китай решительно осуждает и против терроризма во всех его проявлениях; 2) некоторые акцентуаторы являются полифункциональными: одна и та же вербальная единица может одновременно входить в несколько микрополей, совмещать несколько функций (оценка + усиление; усиление + категоричность, усиление + активизация внимания адресата, категоричность + активизация внимания адресата, оценка + усиление + активизация внимания адресата, усиление + уточнение + активизация внимания адресата, усиление + уточнение + категоричность, активизация внимания адресата + оценка, активизация внимания адресата + оценка + категоричность): рус. *И ещё на одно обстоятельство хотел бы обратить ваше внимание, считаю это крайне важным*; кит. *第二次世界大战是人类历史上一场空前的浩劫* ‘Вторая мировая

война – была по масштабам бедствий беспрецедентной за всю историю человечества’.

Выявление количественных и функциональных особенностей акцентирующих языковых средств показало, что, несмотря на разграничение микрополей категории акцентности, между ними наблюдается тесная связь: они взаимодействуют, дополняют и усиливают значения друг друга.

Хотя в выступлениях российских и китайских политиков частотность использования акцентуаторов различается, устройство поля акцентности в сопоставляемых дискурсах сходно (доминируют акцентуаторы оценки). Количественные расхождения в употреблении тех или иных лексико-грамматических средств акцентирования объясняются типологическими различиями русского и китайского языков.

Глава 3 «**Переводческие трансформации при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка**» содержит характеристику трансформаций, используемых при переводе акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский. Типология переводческих преобразований акцентуаторов включает три группы: лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Лексические трансформации акцентуаторов (раздел 3.1) заключаются в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова, которая подлежит реализации в данном контексте. К лексическим трансформациям относятся: синонимический перевод – использование существующих на межъязыковом уровне относительных синонимов: *建设持久和平* ‘*строительство длительного мира*’ – *строительство прочного мира*; конкретизация – замена слова или словосочетания ИЯ с более широким значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением – может быть языковой и контекстуальной (речевой): *中俄两国永做好邻居, 好朋友, 好伙伴...* ‘*Китай и Россия навсегда стали хорошими соседями, хорошими друзьями, хорошими партнёрами...*’ – *Быть добрыми соседками, лучшими друзьями, надёжными партнерами...*; генерализация – замена единиц ИЯ, имеющих более узкое значение, единицами ПЯ с более широким значением: *许多优秀俄罗斯儿女在中国大地上献出宝贵生命* ‘*Много российских выдающихся сыновей и дочерей пали на земле Китая*’ – *Многие выдающиеся дети русской земли отдали свои жизни Китаю*; модуляция (смысловое развитие) – лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является

логическим следствием значения исходной единицы – представлена усилением, которое заключается в смысловой интенсификации исходной лексической единицы: *这个政策为美国人民带来了严重的负担和战争危险* ‘Эта политика **принесла серьезную нагрузку** американскому народу’ – *Эта политика ложится **тяжелым бременем** на американский народ*; добавление – включение в текст на ПЯ дополнительных языковых единиц с целью выражения подразумеваемой информации, содержащейся в тексте на ИЯ: *我们的一切工作都是为了人民* ‘**Вся наша работа направлена на народ**’ – *Вся наша работа **направлена на благо народа***.

Грамматические трансформации акцентуаторов (раздел 3.2) заключаются в перестройке предложения, т.е. в изменении его структуры и связаны с осуществлением всевозможных замен, как синтаксического, так и морфологического порядка. Выделены два вида грамматических трансформаций – полная и частичная. Полная грамматическая трансформация может иметь несколько проявлений: изменение субъектно-предикатной структуры высказывания (преобразование личной конструкции в безличную, трансформация безличного предложения в личное); изменение порядка следования частей сложного предложения – главной и придаточной; упрощение синтаксической структуры – преобразование сложного предложения в простое; усложнение грамматической структуры – преобразование простого предложения в сложное (*在**胜利的时候**要看到前进道路上的困难* ‘**В победный** момент надо видеть предстоящие трудности’ – *Когда одержана **победа**, нужно видеть трудности на пути продвижения вперед*); изменение морфологических категорий (*青年人充**满生机和活力**, 最具**创新精神*** ‘**Молодые люди** полны энергии и жизненных сил, они **самые новаторские**’ – *Молодежь **наполнена** жизненными силами и энергией, она **в максимальной степени** обладает духом инноваций*).

Частичные грамматические трансформации акцентирующих выражений заключаются в изменении грамматических конструкций, содержащих служебные слова китайского языка, которые не имеют полного соответствия в русском языке. Разновидностями частичных трансформаций являются: замены (касаются слов, относящихся к разным грамматическим категориям, в частности формам степеней сравнения прилагательных: ... *为此提供**最大**的支持与协助* ‘...*оказывать самую большую поддержку и содействие в этом*’ – ...*оказывать еще большую поддержку и содействие в этом*); перестановки (изменение порядка следования языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника: *民族**振兴**的根本途径... **是**发展* ‘**Основным** способом

национальной активизации... *является развитие*’ – Развитие – это основной путь, ведущий к возрождению нации...) и опущения (удаление из оригинального высказывания отдельных языковых элементов, обусловленное грамматической спецификой ИЯ: в китайском языке существует небольшая группа так называемых семантически «пустых» глаголов, входящих в группу сказуемого и употребляемых в стилистических целях для придания книжности речи (加以, 给予, 予以, 得以), которые не имеют точного значения, они приобретают смысл только вместе с глаголами или существительными: *此时此刻, 我们有一个共同的感觉 ‘В эту минуту и данный момент мы все одинаково чувствуем...’ – В этот момент мы все одинаково чувствуем... .*

Лексико-грамматические трансформации акцентуаторов (раздел 3.3) представляют собой комплексное преобразование исходной конструкции, суть которого состоит в изменении формальных (лексических и грамматических) компонентов текста ИЯ при сохранении информации, предназначенной для передачи на ПЯ.

Лексико-грамматическим преобразованиям подвергаются акцентирующие языковые средства четырех групп: элементы вэньяня (это древнекитайский литературный язык, который сложился на основе живых диалектов, существовал в письменной форме и чаще всего встречался в текстах официального стиля): ... *世界上没有放之四海而皆准的发展模式 ‘...в мире не существует универсальной модели развития’ – в мире нет модели и пути развития, верных для каждого и всех*); фразеологизмы могут меняться на свободное сочетание, слово, другой фразеологизм (близкий по семантике, но отличающийся от исходного лексико-грамматической формой), речевое публицистическое клише: *正如我们所说, “桃李不言, 下自成蹊” ‘Персики и сливы не могут говорить, но мир бьет путь к ним’ – Как гласит китайская поговорка, персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей; 两国人民友谊源远流长 ‘Дружба наших народов – исток далек, течение длинно’ – Дружба наших народов уходит в далекое прошлое*); коллокации – при переводе их стилистическая характеристика может изменяться, что связано с разной формой репрезентации семантического значения в исходном и переводном языках (*最终实现中国自身发展和沿线各国的共同发展与繁荣 ‘Наконец, реализовать собственное развитие Китая и общее развитие и процветание в странах вдоль границы’ – В конечном итоге речь идет о собственном развитии Китая, а также о совместном развитии и процветании Китая и государств, расположенных вдоль «одного пояса и одного пути»*); неологизмы (слова и

терминологические выражения, которые появились в современном политическом дискурсе относительно недавно и поэтому не имеют прямых соответствий в русском языке): ... **大家毗邻而居... 形成了你中有我、我中有你的命运共同体** ‘...эти страны жили по соседству... сформировав себя внутри вас, внутри меня есть ваша судьба’ – ...эти страны жили рядом... сформировав сообщество общей судьбы, основанное на том, что жизнь каждого отражается в жизни всех, а жизнь всех отражается в жизни каждого.

Необходимость использования переводческих трансформаций обусловлена как внутренними языковыми факторами (расхождение лексических и грамматических норм, несовпадение способов выражения лексического и грамматического значений в типологически далеких языках – китайском и русском), так и прагматическими факторами (наличие фоновой информации, тенденция к идиоматизации перевода и его компактности). Применение трансформаций при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка позволяет максимально точно передать информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Это особенно важно в политическом дискурсе при репродуцировании высказываний политических лидеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Важную роль в коммуникативном взаимодействии играет акцентирование, или акцентность, – смысловое выделение (актуализация) значимых, по мнению говорящего, моментов содержания речи, привлечения к ним внимания аудитории.

В исследовании акцентности сложились определенные лингвистические традиции, связанные с двумя основными парадигмами – функционально-коммуникативной и когнитивно-дискурсивной, что отражает приоритетный вектор развития современного языкознания: его ориентацию на изучение языка как речевой деятельности. В рамках функционального подхода выделяют три исследовательских направления: коммуникативно-прагматическое, функциональное семантико-стилистическое и лингвориторическое. В когнитивно-дискурсивном измерении акцентность выступает как лингвопрагматическая универсалия – содержательная (семантико-прагматическая) категория дискурса, которая непосредственным образом участвует в формировании содержания (смысла) речевого сообщения и его прагматики. Специфика реализации

акцентности определяется типом дискурса.

Акцентирование служит неотъемлемым атрибутом и действенным инструментом влияния на адресата в дискурсе политики, в частности в жанре публичного выступления политического деятеля. В политическом дискурсе широко представлена система акцентуаторов – языковых средств, эксплицирующих категорию акцентирования. На наш взгляд, сопоставительное исследование акцентирующих единиц лексического и грамматического уровней русского и китайского языков целесообразно проводить на основе интеграции достижений функционально-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов, а именно: использовать принцип полевого структурирования для анализа акцентности как семантико-прагматической категории дискурса [1, 6, 11].

2. Категория акцентности в русском и китайском политическом дискурсе формируется пятью микрополями: оценки (58,34 % vs 65,92 %), усиления (15,99 % vs 12,66 %), активизации внимания адресата (10,38% vs 10,45 %), уточнения (9,36 % vs 4,36 %), категоричности/некатегоричности (5,93 % vs 6,61 %).

Каждое микрополе имеет особую структуру, образуемую специфическим набором ядерных и периферийных акцентуаторов. Микрополе оценки в политическом дискурсе формируется оценочной лексикой (прилагательными, наречиями, существительными), компаративами и суперлативами, метафорами, фразеологизмами. Усиление убедительности высказывания в обоих языках осуществляется за счет использования морфологических интенсификаторов, повторов, выражений-интенсивов, коллокаций. Активизация внимания слушателя происходит благодаря применению языковых средств диалогичности, вопросительных предложений, модально-оценочных конструкций, инверсии, языковых средств логичности изложения. Уточнение формулировок предполагает употребление наречий, частиц, союзов, многочленных дескриптивно-характеризующих конструкций. К средствам выражения категоричности относятся модальные слова (глаголы, прилагательные, частицы) и словосочетания с семантикой уверенности, убежденности, долженствования, необходимости. Некатегоричность мнения в русском и китайском политическом дискурсе реализуется с помощью сходных приемов (модальные слова и выражения с семантикой неуверенности, сомнения, предположения) и специфических средств (модальные частицы в русскоязычных выступлениях, уступительные союзы в текстах выступлений на китайском языке) [2, 8, 9, 10, 12, 13].

3. В распределении акцентирующих языковых единиц по названным микрополям наблюдаются определенные закономерности. Так, оценка больше

проявляется на лексическом уровне, а активизация внимания адресата реализуется преимущественно на синтаксическом уровне. Прилагательные больше используются как средство оценки, а наречия чаще всего употребляются в усилительном значении. Союзы активно применяются для выражения уточнения, а частицы характерны для экспликации категоричности.

Микрополя категории акцентности не существуют изолированно: они взаимодействуют друг с другом, дополняют и усиливают значение друг друга. Это проявляется в наличии акцентуаторов, выполняющих одновременно несколько функций, входящих в несколько микрополей: оценка + усиление, усиление + категоричность, усиление + активизация внимания адресата, категоричность + активизация внимания адресата, оценка + усиление + активизация внимания адресата, усиление + уточнение + активизация внимания адресата, усиление + уточнение + категоричность, активизация внимания адресата + оценка, активизация внимания адресата + оценка + категоричность.

Наиболее сильный прагматический эффект достигается за счет применения комплекса акцентирующих средств: сочетание акцентуаторов, относящихся к микрополям оценки и усиления; использование акцентирующих единиц нескольких групп для реализации доминирующего субкатегориального значения (преимущественно категоричности) [2, 8, 9, 10, 12, 13].

4. Сопоставительный анализ позволил сделать вывод о сходстве структурно-семантического устройства поля акцентности в русском и китайском дискурсах. Центральное место в составе акцентирующих средств русского и китайского политического дискурса занимает микрополе оценки (58,32 % vs 65,94 %). В свою очередь микрополя уточнения (9,39 % vs 4,36 %) и категоричности / некатегоричности (5,93 % vs 6,62 %) представлены наименьшим количеством акцентуаторов. Промежуточное положение между центром и периферией поля акцентности занимают микрополя усиления (15,99 % vs 12,63 %) и активизации внимания (10,39 % vs 10,45 %).

Различия касаются количественных характеристик акцентуаторов и заключаются в частотности их употребления. В русских выступлениях количественно преобладают: а) акцентуаторы микрополя оценки: оценочные наречия (23,90 % vs 10,60 %), компаративы и суперлативы (12,95 % vs 6,33 %), метафоры (12,05 % vs 9,46 %); б) акцентуаторы микрополя усиления: повторы (21,23 % vs 17,56 %); в) акцентуаторы микрополя активизации внимания адресата: вопросительные предложения (12,60 % vs 5,76 %), модально-оценочные конструкции (11,81 % vs 8,27 %); г) акцентуаторы микрополя уточнения: частицы

(6,55 % vs 4,31 %) и наречия (43,23 % vs 40,52 %); г) языковые средства категоричности (73,79 % vs 65,91 %).

В китайских выступлениях больше используются следующие акцентуаторы: оценочные прилагательные (32,45 % vs 37,63 %), оценочные существительные (11,42 % vs 28,68 %), морфологические интенсификаторы (67,26 % vs 72,02 %), языковые средства диалогичности (55,51 % vs 61,87 %), языковые средства логичности изложения (9,06 % vs 13,67 %), многочленные конструкции с дескриптивно-характеризующим значением (17,47 % vs 20,69 %), вербальные приемы некатегоричности (26,21 % vs 34,09 %).

Количественное сходство наблюдается в употреблении следующих акцентуаторов: фразеологизмов (7,22 % vs 7,30 %), выражений-интенсивов (7,16 % vs 7,14 %), коллокаций (4,35 % vs 3,27 %), инверсий (11,02 % vs 10,43 %), уточняющих союзов (32,75 % vs 34,48 %) [2, 7, 8, 10, 11].

5. Различие лексико-грамматического строя китайского и русского языков обуславливает использование при переводе акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский трансформаций трех типов – лексических, грамматических и лексико-грамматических, имеющих внутреннюю дифференциацию.

Лексические трансформации (синонимический перевод, конкретизация, генерализация, модуляция, добавление) заключаются в замене лексемы ИЯ неэквивалентными лексическими средствами ПЯ при сохранении исходного смыслового значения акцентуатора.

Грамматические трансформации предполагают полное или частичное изменение синтаксической структуры и/или морфологических категорий акцентирующих единиц исходного языка. При полной трансформации происходит изменение субъектно-предикатной структуры высказывания (преобразование личной конструкции в безличную, трансформация безличного предложения в личное), изменение порядка следования частей сложного предложения – главной и придаточной, упрощение синтаксической структуры – преобразование сложного предложения в простое, усложнение грамматической структуры – преобразование простого предложения в сложное, изменение морфологической категории; видами частичной трансформации являются: замена, перестановка, опущение.

Лексико-грамматические трансформации представляют собой преобразование формальных (лексических и грамматических) компонентов акцентирующих конструкций ИЯ (вэньянь, фразеологизмы, коллокации, неологизмы) при сохранении информации, предназначенной для передачи на ПЯ.

Условием эффективного использования трансформаций при переводе китайских акцентуаторов на русский язык служит учет комплекса значений языковых единиц ИЯ и ПЯ – семантического, грамматического и прагматического, а также социокультурного контекста и специфики коммуникативной ситуации.

Переводческие трансформации обеспечивают максимальную точность трансляции смысла текста оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка, что особенно важно в политическом дискурсе при репродуцировании высказываний политических лидеров [3, 4, 5, 7, 14, 15].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут быть использованы в сопоставительном языкознании, в коммуникативно-функциональной теории языка, в рамках исследований по стилистике, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике, дискурс-анализу, межкультурной коммуникации, переводоведению.

Материалы диссертации могут найти применение при подготовке учебных пособий, лекционных курсов, спецсеминаров по контрастивной лингвистике, в переводческой практике, в преподавании русского и китайского языков как иностранных.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в рецензируемых журналах

1. Чжао Наньнань. Лингвистические традиции изучения категории акцентности / Чжао Наньнань // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2017. – № 1 (91). – С. 106–110.

2. Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе / Чжао Наньнань // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2018. – № 2. – С. 103–113.

3. Чжао Наньнань. Лексические переводческие трансформации при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка / Чжао Наньнань // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2018. – № 6 (97). – С. 102–108.

4. Чжао Наньнань. Лексико-грамматические преобразования в передаче китайской акцентуации средствами русского языка / Чжао Наньнань // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2019. – № 2 (100). – С. 130–134.

5. Чжао Наньнань. Переводческие трансформации при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка / Чжао Наньнань // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2021. – № 2. – С. 70–85.

Статьи в сборниках научных статей

6. Чжао Наньнань. Актуальность сопоставительно-прагматического исследования категории акцентности в русском и китайском языках / Чжао Наньнань // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов : сб. науч. ст. / Гомельский гос. ун-т ; редкол. : В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2017. – С. 220–222.

7. Чжао Наньнань. Типы переводческих соответствий при передаче китайских аксиологических акцентуаторов средствами русского языка / Чжао Наньнань // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; ред. : А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 11. – Ч. 2. – С. 46–49.

8. Чжао Наньнань. Языковые средства выражения категоричности в русском и китайском политическом дискурсе / Чжао Наньнань // Слово в языке, речи, тексте : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 18 мая 2018 г. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: Т. М. Лянцевич [и др.]. – Брест, 2018. – С. 220–222.

9. Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация микрополя активизации внимания в русском и китайском языках / Чжао Наньнань // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сб. ст. междунар. научно-практич. конф., Минск, 14 декабря 2018 г. / Белорус. гос. эконом. ун-т ; редкол.: М. В. Мишкевич (науч. ред.) [и др.] – Минск, 2019. – С. 184–188.

10. Чжао Наньнань. Приемы акцентирования некатегоричности мнения в русском и китайском политическом дискурсе / Чжао Наньнань // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов : сб. науч. ст. : вып. 3 / редкол. : В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]; М-во образования Республики Беларусь, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : БелГУТ, 2021. – С. 199–202.

Материалы конференций

11. Чжао Наньнань. Категория акцентности как объект научного исследования / Чжао Наньнань // Науч. конф. студентов и аспирантов: материалы 73-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та, 16–25 мая 2016 г. Минск. В 3 ч. Ч. 3 / отв. за вып. С. Г. Берлинская. – Минск : БГУ, 2016. – С. 195–198.

12. Чжао Наньнань. Акцентуаторы микрополя уточнения в русском и китайском политическом дискурсе / Чжао Наньнань // Мова і літаратура: матэрыялы 74-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. ф-та. БДУ, Мінск, 27 крас. 2017 г. / пад рэд. К. А. Тананушкі. – Мінск : РІВШ, 2017. – С. 156–159.

13. Чжао Наньнань. Выражение оценки в русском и китайском политическом дискурсе / Чжао Наньнань // Язык и межкультурные коммуникации : материалы VI Междунар. науч. конф., Вильнюс–Минск, 17–20 мая 2017 г. / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. Д. Старичёнок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 132–135.

14. Чжао Наньнань. Разновидности лексико-грамматических трансформаций при переводе акцентуаторов усиления с китайского языка на русский / Чжао Наньнань // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. – Минск, 2017. – С. 78–79.

15. Чжао Наньнань. Грамматические трансформации при переводе акцентуаторов с китайского языка на русский / Чжао Наньнань // Мова і літаратура: матэрыялы 75-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ, Мінск, 25 крас. 2018 г. / пад рэд. К. А. Тананушкі. – Мінск : РІВШ, 2018. – С. 170–173.

РЕЗЮМЕ

Чжао Наньнань

Лексико-грамматические средства реализации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе

Ключевые слова: акцентность, акцентуатор, оценка, усиление, активизация внимания адресата, уточнение, категоричность/некатегоричность, переводческие трансформации, политический дискурс, русский язык, китайский язык.

Цель исследования: выявить и типологизировать лексико-грамматические средства реализации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе (на материале выступлений политических деятелей), установить общие и национально-специфические характеристики русских и китайских акцентуаторов.

Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, метод синонимических преобразований, метод количественных подсчетов.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что впервые разработана семантическая типология лексико-грамматических средств, объективирующих категорию акцентности в русском и китайском политическом дискурсе; определены категориальные и субкатегориальные значения выявленных акцентуаторов; установлены особенности их семантической организации в русском и китайском языках; раскрыта прагматическая роль акцентирующих языковых единиц, относящихся к различным семантическим группам; выявлены сходства и различия в способах выражения акцентности в русском и китайском политическом дискурсе; создана классификация переводческих трансформаций, применяемых при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Материалы диссертации могут найти применение при подготовке учебных пособий, лекционных курсов, спецсеминаров по контрастивной лингвистике, политической лингвистике, в переводческой практике, в преподавании русского и китайского языков как иностранных.

Область применения: сопоставительное языкознание, стилистика, лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация, переводоведение.

РЭЗІЮМЭ

Чжаа Наньнань

Лексіка-граматычныя сродкі рэалізацыі катэгорыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе

Ключавыя словы: акцэнтнасць, акцэнтуатар, ацэнка, узмацненне, актывізацыя ўвагі адрасата, удакладненне, катэгарычнасць/некатэгарычнасць, перакладчыцкія трансфармацыі, палітычны дыкурс, руская мова, кітайская мова.

Мэта даследавання: выявіць і тыпалагізаваць лексіка-граматычныя сродкі рэалізацыі катэгорыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе (на матэрыяле выступленняў палітычных дзеячаў), вызначыць агульныя і нацыянальна-спецыфічныя характарыстыкі рускіх і кітайскіх акцэнтуатараў.

Метады даследавання: апісальны метады, параўнальна-супастаўляльны аналіз, кантэкстуальны аналіз, метады сінанімічных пераўтварэнняў, метады колькасных падлікаў.

Навуковая навізна атрыманых вынікаў заключаецца ў тым, што ўпершыню распрацавана семантычная тыпалогія лексіка-граматычных сродкаў, якія аб'ектывуюць катэгорыю акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе; вызначаны катэгарыяльныя і субкатэгарыяльныя значэнні выяўленых акцэнтуатараў; устаноўлены асаблівасці іх семантычнай арганізацыі ў рускай і кітайскай мовах; раскрыта прагматычная роля акцэнтуючых моўных адзінак, якія адносяцца да розных семантычных груп; выяўлены падабенствы і адрозненні ў спосабах рэалізацыі акцэнтнасці ў рускім і кітайскім палітычным дыскурсе; створана класіфікацыя перакладчыцкіх трансфармацый, якія ўжываюцца пры перадачы кітайскіх акцэнтуатараў сродкамі рускай мовы.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Матэрыялы дысертацыі могуць знайсці прымяненне пры падрыхтоўцы вучэбных дапаможнікаў, лекцыйных курсаў, спецсемінараў па кантрастыўнай лінгвістыцы, палітычнай лінгвістыцы, у перакладчыцкай практыцы, у выкладанні рускай і кітайскай моў як замежных.

Галіна прымянення: супастаўляльнае мовазнаўства, стылістыка, лінгвапрагматыка, кагнітыўная лінгвістыка, дыкурс-аналіз, міжкультурная камунікацыя, перакладазнаўства.

SUMMARY

Zhao Nannan

**Lexic-grammatical means of implementation of the category of accentuation
in Russian and Chinese political discourse**

Key words: accentuation, accentuator, assessment, emphasis, activation of the addressee's attention, clarification, categoricity / non-categoricity, political discourse, translation transformations, Russian, Chinese.

The aim of research is to identify and typologize lexical and grammatical means of implementing the category of accentuation in the Russian and Chinese political discourse (based on the speeches of political figures), to establish general and national-specific characteristics of Russian and Chinese accentuators.

The methods used: descriptive, comparative analysis, contextual analysis, method of synonymous transformations, quantitative calculation method.

The scientific novelty of the obtained results is that for the first time a semantic typology of lexical and grammatical means has been developed, that objectify the category of accentuation in the Russian and Chinese political discourse; categorical and subcategorical meanings of the identified accentuators have been determined; the features of their semantic organization in the Russian and Chinese languages have been established; the pragmatic role of accentuating linguistic units belonging to various semantic groups has been revealed; the similarities and differences in the ways of expressing accent in Russian and Chinese political discourse has been developed; a classification of translation transformations used in the transmission of Chinese accentuators by means of the Russian language has been created.

Recommendations on the usage of the results. The materials of the thesis can be applied in preparing training manuals, lectures, special seminars on contrastive linguistics, political linguistics, in translation practice, in teaching Russian and Chinese as foreign languages.

The sphere of application: contrastive linguistics, stylistics, linguo-pragmatics, cognitive linguistics, discourse analysis, intercultural communication, translation studies.

赵楠楠